

Реальность — тонкий лед, и большинство людей просто скользят по нему, как на коньках, всю свою жизнь и не знают, что он может треснуть у них под ногами.

Стивен Кинг. Чужак

ЗАЧАРОВАННЫЙ САМОЛЕТ

Было это осенью пятьдесят второго в Корее. Я тогда служил... в общем, в мои служебные обязанности входил и допрос пленных. Исключительно англоязычных: американцы туда под флагом ООН натащили, кроме своих, войска еще пятнадцати стран. Кроме англичан, канадцев, австралийцев и новозеландцев, которые тоже моему попечению были поручены, были еще турки, греки, французы. Одним словом, всякой твари по паре, замучишься перечислять. Наличествовала и вовсе уж экзотическая солдатня — из Эфиопии и Люксембурга. Что они забыли в Корее (особенно Люксембург), решительно непонятно. Но вот поди ж ты, заявили... Ну, и южнокорейцы, понятно.

Каких-либо серьезных военных тайн мы в результате допросов пленных не получили, да и не рассчитывали их получить. Кроме одной, ради которой и рыли землю на три аршина вглубь: не доставили ли американцы в Корею атомные бомбы. Одно время они всерьез обсуждали, не применить ли их — причем не в Корее, а в Китае, за китайскую

ЗАЧАРОВАННЫЙ САМОЛЕТ_____

помощь корейцам. Причем это обсуждение велось вовсе не за семью замками, в каком-нибудь засекреченном бункере: «ястребы» открыто этого требовали и в публичных выступлениях, и в газетах. Вот мы и старались. У нас прекрасно знали, какие меры предосторожности и безопасности американцы принимают при транспортировке атомных бомб. И составили специальный вопросник: весьма длинный, каждый вопрос по отдельности выглядит совершенно невинно, человек и не догадывается, куда клонит допрашивающий. А вот все вместе они позволяют безошибочно сделать вывод: доставлены бомбы или нет.

Впрочем, я отвлекся. Случай, про который я хочу рассказать, никоим боком с атомной бомбой не связан...

Работа предстояла привычная и даже чуточку прискучившая: допросить очередного сбитого летчика. Его истребитель наши с в а л и л и над занятой нашими территорией, п р и н я л и его китайцы и передали «старшему брату», то есть нам. В те времена китайцы нас всерьез считали именно что старшим братом...

Капитан этот меня всерьез заинтересовал. Нет, не своими показаниями, они-то как раз не содержали ничего интересного, ничего, что нам не было уже известно. Своим поведением заинтересовал. Понимаете ли, сбитые американские летуны, вообще все их пленные четко делились на две категории. Одни с самого начала говорили много и охот-

но, иные даже с явным подобострастием — лишь бы их не отправили в заснеженную Сибирь на съедение тамошним медведям-людоедам, а то и не расстреляли бы на месте, известно ведь, что «большевики» пленных жарят на постном масле и едят под водку и гармошку. Другие гордо становились в позу, заявляли, что воинские уставы им предписывают при попадании в плен сообщить свою фамилию, звание и номер части — и ничего больше.

(Вообще-то и таких гордецов мы сплошь и рядом обламывали, и петь они начинали не хуже Шаляпина. Не физическими методами, не подумайте — словесно тоже можно добиться хорошего результата, выиграть чисто психологическими методами. Ладно, не будем отвлекаться, хотя тема сама по себе страшно интересная, но разговор не о том...)

Так вот, капитан ни под одну из этих категорий не подходил. Вообще-то говорить много он начал с самого начала, вот только никак не скажешь, что — охотно. Это был какой-то сгусток депрессии, самой глубокой апатии. Конечно, и те, из выше-названных двух категорий, в депрессию порой впадали — и оттого, что их, таких бравых американских соколов, бесцеремонно приземлили «красные», и оттого, что полагали, будто с ними теперь все кончено и смертушка их ждет скорая и лютая.

Вот только у всех предшественников капитана это всегда выражалось в гораздо более легкой форме. В точности как с гриппом или какой-нибудь

ЗАЧАРОВАННЫЙ САМОЛЕТ_____

другой болезнью. А вот капитан был... я и сейчас, через тридцать с лишним лет, не подберу наиболее подходящего слова. Прямо-таки олицетворение глубочайшей депрессии, какая только может на человека свалиться. Я и сейчас, когда говорю о нем, вижу его перед собой, как наяву: ссутулился, не пошевелится лишний раз, сидит как статуя, руки на коленях, взгляд тусклый, голос глухой, безжизненный, без тени эмоций и чувств, когда говорит, полное впечатление, что живут только губы, а кроме них, ни один мускул на лице не дрогнет. Предложишь ему сигарету — возьмет (курильщик был заядлый, в точности как я), но курит, словно какой-то механический автомат в облике человека — ни одного лишнего движения, подносит ли сигарету к губам, пепел ли стряхивает. На все вопросы отвечает без заминки, исчерпывающе — но опять-таки как автомат, ни словечка от себя, ни тени эмоций. Первый и, забегаая вперед, последний у меня т а к о й попался. Честное слово, порой не по себе бывало чуточку — я бы никому в том не признался, но жутковатое впечатление он производил. Словно бы и не живой человек, а какое-то создание не от мира сего. Это у меня была уже третья война после Отечественной и японской кампании, всякое повидал, но такого вот... Видел я и кишки попавших под артобстрел, видел людей, по которым проехал танк, да много чего. Но там было совсем другое, если вы только понимаете, что я имею в виду. Ни разрывов, ни изуродованных трупов, ничего

такого из разряда военных ужасов. Просто... Знакомый кабинет, покойная тишина, белый день за окном — а напротив тебя сидит этот автомат в человеческом облике, говорящий на один лад, глухо и монотонно... Жутковато делается.

Поначалу я полагал, что это у него из-за травмы. Когда наш МиГ-15 его сбил, у капитанского «Сейбра» снарядом разнесло фонарь кабины, мелкими осколочками изрядно посекло капитану лицо — но это, по большому счету, были мелкие царапины, быстро затянувшиеся. А вот один осколок угодил в правый глаз, да так, что его пришлось в нашем госпитале удалить — под наркозом, понятно.

Поначалу объяснение подворачивалось очень простое: очень уж он любил небо, любил летать. И прекрасно понимал: даже благополучно вернись он из плена домой, «на землю» спишут вчистую — одноглазых в авиации не держат. Это без ног, на протезах, летчики-истребители, проявив нешуточное упорство, оставались в строю. Правда, за всю Вторую мировую было только два случая: наш Маресьев и британский пилот, фамилии не помню. Всего два случая, но ведь допустили их безногими к полетам. А вот одноглазого не допустят ни за что.

Вскоре, после разговора с медиками, от этой версии пришлось отказаться. Врачи авторитетно заверяли: с первых часов в госпитале, едва туда привезли, он уже был в том самом «состоянии робота», в каком появился передо мной. А тогда он никак не мог еще знать, что лишился глаза: китай-

ЗАЧАРОВАННЫЙ САМОЛЕТ_____

цы его перевязали на совесть, все лицо выглядело так, словно его бешеные кошки драли, замотали бинтами так, что остались только здоровый глаз, рот и ноздри. И когда он, отойдя от наркоза, узнал, что остался без глаза, никаких изменений в его состоянии не произошло, отнесся совершенно безучастно, словно не глаза, а, скажем, зуба лишился.

Наш психолог добавил к этому: он совершенно уверен, что наш летун психически здоров, иначе бы врачи его не выпустили в полет — у американцев врачи хорошие. Ни одна психическая болезнь, пусть до того долго дремавшая и никак себя не проявлявшая, не сваливается на человека неожиданно, как кирпич с крыши. Еще он ручается: то, что капитана сбили, «детонатором» послужить никак не могло. Речь, таким образом, может идти только о психологическом шоке, правда, очень сильном. И вывести человека из этого состояния можно, даже не будучи медиком — а просто знатоком своего дела. Вот вроде меня.

И вы знаете, эти его слова на меня подействовали, как красная тряпка на быка. Или, выражаясь более возвышенно, поэтически, что ли, — словно рев боевой трубы на опытного кавалерийского коня...

Тут и профессиональное самолюбие заработало, и что-то вроде охотничьего азарта. Не хочу себя сверх меры нахваливать, но что было, то было: мне не раз случалось раскалывать упрямых, матерых вражин еще в Отечественную. Не подумайте,

без малейшего физического воздействия. В нашем деле мордобой — брак в работе. Исключительно словом и напряжением мозгов. Сначала «хранили гордое презрение», молчали или откровенно с ненавистью оскорбления выплевывали, но в конце концов начинали петь соловушками.

Вот я и подумал: неужели не смогу проломить эту невидимую броню, что он на себя нацепил, эту лютую меланхолию?

Собственно говоря, нас он больше не интересовал, можно было со спокойной совестью и чувством исполненного долга отправлять в лагерь военнопленных. Никаких особых секретов он не знал — кто бы в них посвящал рядового пилота истребителя? А все, насчет чего я его качал на косвенных, было еще одним подтверждением того факта, что пока что нет никаких признаков доставки сюда в ближайшее время американского атомного оружия. Но никто бы мне ни слова упрека не сказал, доложи я, что намерен с ним еще поработать какое-то время — такие вопросы целиком отдавались на мое усмотрение. И своими прямыми обязанностями я, что важно, нисколько не пренебрегал: такова уж была специфика службы. В мои служебные обязанности входил исключительно допрос пленных — ну, понятно, иногда приходилось составлять для начальства аналитические записки и разные обзоры. А тут уж шло по принципу «Когда густо, а когда пусто». Я специализировался на офицерах противника, а остальными занима-

ЗАЧАРОВАННЫЙ САМОЛЕТ_____

лись ребята помоложе, у которых звездочек на погонах было гораздо меньше. Вот и выпадало так, что иногда целые дни, а то и недели мне было совершенно нечем заняться — и сейчас как раз оказался в таком вот простое. Так что никаких нареканий от начальства ждать не приходилось, и совесть нисколечко не мучила: если рассудить, я не использовал служебное положение в личных целях, а в который раз оттачивал умение. В нашем деле главное — не закостенеть, полезно до седых волос чему-то учиться...

Словом, взялся я за моего одноглазого капитана всерьез, пустил в ход все, что умел, — без лишней спешки и ненужного нажима, понятно. Скорее уж наши долгие беседы больше напоминали «разговоры за жизнь», вертелись вокруг предметов и тем, вовсе не имевших отношения ни к войне, ни к политике. Капитан был ничуть не против долгих бесед на отвлеченные темы: в каком бы состоянии он ни пребывал, видно было, что ему предпочтительнее часами точить лясы-балясы и попивать хороший крепкий чай, чем валяться на койке в камере в компании пары-тройки таких же невезучих.

И лед тронулся, господа присяжные заседатели! Помаленьку-полегоньку мне удалось справиться с его броней. Образно выражаясь, сначала я надевал в ней дырочек, а потом она стала отваливаться кусками, дальше — больше. Ну, и наш психолог параллельно с ним работал (я его ни во что не посвящал, и он считал, что такую уж я выбрал такти-

ку, хочу из капитана еще что-то выудить — подобное случалось не раз).

Через неделю я убедился, что все труды не пропали даром. Внучка у меня любит повторять реплику кота Матроскина из известного мультфильма: «Заработало!» Тридцать лет назад, понятно, этого мультфильма, как говорится, и в проекте не было, но сейчас я именно так и скажу: заработало! С этой чертовой броней мне, конечно, не удалось справиться на все сто, но ожил мой капитан, даже чуточку повеселел, заговорил гораздо охотнее и раскованнее, в нем теперь было гораздо больше от человека, чем от бесстрастного робота...

Я уже подготовил несколько вариантов перехода от пустых разговоров к делу. Однако получилось так, что ни один не понадобился, капитан сам облегчил мне задачу. Сказал:

— Мистер подполковник, сэр, можно задать вопрос?

— Конечно, — ответил я.

— Почему вы так странно со мной возитесь уже неделю? Говорим о чем угодно, только не о военных делах, не о том, что может интересовать разведку. Я не дурак, я вижу. Вообще-то мне это только нравится, готов и дальше продолжать. Лучше сидеть у вас с разговорами, чем валяться на койке в камере. И такого чая, и таких конфет с печеньем в камере не дают. Так в плену сидеть можно. Вот только мне чертовски любопытно, почему вы целую неделю говорите о всяком постороннем.